

УДК 82.09 (470.6) : 821.352.3 - 3

ББК 83.3 Кав

X 69

Ф.А. Хуако

Социально-исторические и жанровые предпосылки усиления личностного элемента в северокавказской прозе (30-50-е гг. XX в.)

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматривается развитие национальной литературы в период 30-50-х гг. XX в., – период, спецификой которого является художественный историзм, подразумевающий на данном этапе зарождение и развитие ряда элементов лиризма. Этот процесс и его результаты автор статьи изучает на примере произведений северокавказских писателей.

Ключевые слова:

Личность, лиризм, проза, исторические события, внутренний мир.

Как известно, годы исторических потрясений с бескомпромиссной резкостью проверяют все идейные, духовные, нравственные ресурсы и установки человека. И от того, какими окажутся суть этих установок и устойчивость этих ресурсов, зависит характер участия личности в происходящем: человек может сопротивляться истории или надеяться взлететь на ее гребне, может противостоять ей или жить в согласии с нею, может стараться повернуть ее ход или «по-страусиному» прятать голову. Анализируя данный временной период в развитии советской литературы, А.Бочаров отмечает: «Если зарубежная романистика обычно отдает безоговорочное предпочтение личности против безжалостности и хаоса истории, то советская проза сохраняет более сложную диалектическую закономерность: читит, но, если надо, свободно перешагивает. В развитии конфликтных ситуаций нашей прозы обычно одерживают верх силы исторически состоятельные, знаменующие победу нового, что придает произведению жизнеутверждающий пафос, хотя в ходе борьбы порой терпят поражение, ломаются характеры, по-человечески симпатичные, но оказавшиеся не в силах постичь эту тенденцию. Победа правого дела эмоционально «перекрывает» или объясняет несостоятельную судьбу того или иного «симпатичного» героя, когда его непосредственные интересы не совпадают с коренными, перспективными интересами и потребностями общества» [1, С. 40].

Благодаря размаху исторических событий личность, вовлеченная в них, становится особо значимой, будто укрупняется, обретает общечеловеческий смысл, выходящий далеко за пределы конкретной ситуации. Человек словно остается один на один с историей, будучи вынужден самостоятельно определять свое место в мире, свою судьбу. Однако историзм произведений литературы отнюдь не подразумевает их безоговорочную эпичность. Несколько иные принципы изображения ложатся в основу ряда произведений национальных писателей. Воссоздание основного содержания в них идет от авторского «я». Сама же историческая личность представлена не столько в бытовой конкретности, сколько сквозь призму лирического переживания. В такой повести открывается значительно больший простор философским раздумьям, соизмерению духовного мира героя объективного и героя лирического, падает «завес» времен, перекрещивается плоскость эпох. Психология лирического переживания изображается углубленно, захватывая многие стороны действительности, в образах и судьбах исторической личности обнаруживая новые аспекты лирико-философского осмысления. «Плодотворность подобного (лирико-эпического – Ф.Х.) синтеза в том, что «сюжетные силы прозы, «клей эпоса», как их метко определил Ю.Олеша, помогают преодолеть ту «дробность лирики», которая мешает ей «обнять целостность жизни» (В.Белинский). Переживание раз-

вертывается, устремляется во внешний мир, вовлекая в себя огромную протяженность времени и пространства. Интимное соединяется с историческим, «кружения сердца» – с биографией века» [2, С. 187].

В.Апухтина также признает возможным отражение объективных процессов социально-исторической действительности средствами поэтики: «Суть выступлений писателей (М.Шагинян, В.Катаев, К.Симонов, С. Залыгин, Ю.Бондарев, Ф.Абрамов, В.Быков, А.Адамович) в связи с работой над историческим и современным материалом – в признании острой необходимости выбора наиболее гибких, точных выразительных средств и форм воплощения закономерностей жизни. В художественной системе писателей важнейшим звеном становится характер как явление эпохи, личность, формирующаяся в исторических обстоятельствах» [3, С. 17]. И далее, анализируя период 50-х годов, В.Апухтина замечает: «Социально-психологическая проза значительно расширила знания о человеке в трагедийных ситуациях, о его нравственности, благородстве, самоотверженности, идейной убежденности и тем самым значительно раздвинула границы прекрасного, утвердив идеал героического человека, чья сущность так ярко и полно проявилась в повседневности войны» [4, С. 27]. В контексте данного высказывания и рассмотрим далее ряд лирических повестей с явно выраженным социально-историческим уклоном.

Повесть балкарского писателя Б.Гуртуева «Бекир» написана по горячим следам коллективизации в середине 30-х годов XX в. В ее основе лежит острый социально-психологический конфликт между колхозниками и бывшими хозяевами земли – кулаками. Именно отображение (правда, не без некоторой идеологизированности) самого процесса нравственного взросления главного героя, сама попытка проникнуть в глубины его сознания и психологии и явилась тем новым в национальной литературе, что можно считать в некоторой степени достижением младописьменной повести.

В числе дагестанских повестей накануне войны была закончена книга Э.Капиева «Поэт» (1939) – сборник новелл, над которым автор в свое время работал очень долго и напряженно. Форма данного произведения, в соответствии с избранным автором стилем изложения, поэти-

чески свободна и сосредоточивает в себе целый спектр жанров: от поэтически окрашенных – притч (зарисовок, легенд, сказок, преданий, загадок) до строк с явно выраженным оттенком авторской индивидуальности – дневниковых записей и строк из личных писем. Повесть заполнена целым потоком афоризмов и наречений, почерпнутых в копилке народного фольклора. Комплекс этих цитат сосредоточен на одной теме: «Тайна поэта и рожденной им песни». Этот эпитаф гигантски разрастается на протяжении всего повествования. Ведущим изложением и главным героем «Поэта» является один и тот же человек – народный мудрец и певец Сулейман. Данную фразу о роли поэта в отображении «прозы жизни» можно расценивать как удачнейший, точнейший и выразительнейший «девиз-установку», относящийся к самому жанру лирической прозы в целом и к создаваемым затем в его ключе повестям.

Стиль повествования Э.Капиева безоговорочно отличает тугая, уплотненная фраза, афористичность мысли, блеск отделки, взрывчатая сила короткого рассказа. Обращение к сказу, имитация живого народного языка со всеми его жаргонами, включая разговорный, метафорическая изощренность стиля Э.Капиева во многом перекликаются с художественной манерой современных писателей. Но, одновременно, сжатость, уплотненность стиля автора, его влечение к самому короткому, резко очерченному новеллистическому слову, его литая проза противостояли всей стилистической системе литературы соцреализма. Однако следует заметить, что и в этом произведении не обошлось без проявления социально-идеологической окрашенности лирической прозы, – проявления, обусловленного историческими обстоятельствами периода соцреализма, в разгар которого создавалась книга. Это проявилось в том, что лирический герой, перестав быть традиционным одиночкой, противостоящим обществу, становится активным членом коллектива, и его переживания и духовные коллизии являются как бы отражением мыслей и чаяний миллионов. И здесь вспоминается Бекир Б.Гуртуева, ставший со временем активным колхозником.

Тем не менее, при всей своей тенденциозности, краски, описывающие лирического героя, не лишены национального колорита. Собирательный образ Сулеймана является кон-

центратом личностных качеств объекта гордости и преклонения, впитываемого с молоком матери уважения любого кавказского народа – старца, мудрого и справедливого, строгого и доброго, в уголках глаз которого затаилась лукавая усмешка, а каждая фраза которого без преувеличения имеет значительную общественную судьбоносность и, по сути, является готовым афоризмом. Таким образом, в «Поэте» в полной мере проявился профессионализм Э.Капиева, мастерски сумевшего проникновенно и гармонично посредством одного-единственного героя показать разноплановую и многоаспектную прозу современной ему жизни.

Постепенно в литературе начинает осуществляться явление, описанное Гегелем: «Сами по себе взятые, такие обстоятельства не представляют интереса и получают значение лишь в их связи с человеком, посредством самосознания которого содержание этих духовных сил деятельно переводится в явление. Лишь под этим углом зрения следует рассматривать внешние обстоятельства, так как их значение зависит лишь от того, что они представляют собой для духа, каким способом они осваиваются индивидами и служат для осуществления внутренних духовных потребностей, целей, умонастроений и вообще определенного характера индивидуальных воплощений» [5, С. 418]. Хотя в художественном творчестве все всегда так или иначе было связано с человеком. Человеческая жизнь, отношения личности и общества, социальное, духовно-нравственное и природное в человеке, его родовая сущность и неповторимое своеобразие, – все это являлось и является универсальным предметом художественного интереса любого писателя.

Зародыши этого, очерченного Гегелем, позитивного процесса стали пробиваться уже в самой ранней национальной литературе, все еще целенаправленно стремившейся к воплощению в жизнь традиций пресловутого соцреализма. Так, один из первых кабардинских прозаиков Х.Теунов в своей повести «Аслан» (1941) преследует ту же цель, что и вся литература соцреализма рассматриваемого периода – создание своего, идеально положительного героя.

В советской критической литературе основным недостатком произведений рассматри-

ваемого периода признается описательность, неглубокое исследование эмоционально-чувственной сферы, «слабость в изображении жизненных процессов и влияния этих процессов на формирование, рост и развитие характеров» [6, С. 25]. Однако, имея в виду повесть «Аслан» Х.Теунова, можно вполне обоснованно утверждать, что уже тогда наметились первые, хотя робкие и неявные, но существовавшие попытки лиризации повести, попытки придания, пусть и неярко выраженного, но субъективно-личностного оттенка повествованию и психологизма – характерам.

Конфликт в повести Х.Теунова социально обусловлен и отвечает всем тенденциозным требованиям советской литературы тех лет. Стержневой сюжетный план – борьба бедняка-пастуха с князем – сопровождается несколькими также социально востребованными и традиционными идеологическими коллизиями, например, дружба и возникшая в результате неких нравственных исканий идейная солидарность Аслана с русским печником. Однако при всей своей традиционности этот сюжетный узел в итоге нарушает давно заведенные черты своего развития и не становится сюжетом «бесконфликтным», – он не разрешается благополучно победой бедняка над социальной несправедливостью, а оказывается гораздо более приближенным к возможному реальному варианту развития событий в объективной действительности. Аслан, ранив князя и убив его приспешника, уходит в горы – скрываться. Уже здесь просматриваются зачатки литературного процесса, который получит свое развитие в дальнейшем – в повести 50-х годов.

Изображая существовавшую историческую действительность, писатель обращается к индивидуальной психологии героя, но не для того, чтобы вырвать личность Аслана из породившего ее ряда объективных закономерностей, а для того, чтобы, наоборот, глубже объяснить природу происходящих общественных изменений. Так же, как и писатель эпического склада, лирик раскрывает душу своего героя не в качестве замкнутого психологического мира, но в качестве сферы приложения конкретно-исторических сил эпохи. Лирик исходит из убеждения, что история преломляется не только в мировых событиях, но и в человеческом сердце. Характер Аслана многогранен, его

внутренняя жизнь сложна и подвижна, и эти сложность и подвижность раскрыты особым приемом: постепенным распахиванием его личности перед читателем все новыми и новыми, подчас неожиданными сторонами. В противовес суперактуальным для того времени социально значимым и идеологически определенным мотивам, преобладающими в этой ранней повести Х.Теунова явились мотивы, психологически обусловленные, – рождение и созревание человеческой мысли, поступка, их взаимная связь и взаимное развитие, – то, что, в свою очередь, стало несомненным шагом национальной повести вперед.

Адыгейский писатель А.Евтых в послевоенные годы успешно продолжает начатую до войны писательскую деятельность и издает целый ряд повестей. Основную тему всей адыгейской прозы тех лет составляли процессы, происходившие в послевоенной деревне. Главным действующим лицом большинства произведений был фронтовик, только что вернувшийся с войны и с энтузиазмом налаживающий жизнь в родном ауле. Причем наблюдалась явная тенденция к идеализации образа фронтовика-коммуниста, – его активная деятельность помогала разрешить все проблемы, существовавшие в деревне. Как отмечала критика, эта тенденция характерна для таких произведений А.Евтыха, как «Превосходная должность» (1948), «Аул Псыбэ» (1950) и для последовавших за ними крупных произведений «Солнце над нами», «Девушка из аула», «У нас в ауле».

Несмотря ряд художественных недостатков, повести А.Евтыха «Аул Псыбэ» и «Превосходная должность» сыграли важную роль в развитии отечественной литературы, – они поставили в адыгейской повести проблему героя, весьма актуальную в те годы во всей советской литературе, а также придали национальной литературе некоторые элементы эстетики достоверного. Причем достоверность эта особого рода. Качественно подлинности, объективности и достоверности могут обладать не только человеческие поступки, события и факты, но и авторские мысли и чувства, степень наличия которых в лирических повестях А.Евтыха весьма значительна. Как бы застигнутые «врасплох», во всей своей жизненной и психологической реалистичности, они тоже могут нести и несут ощущение достоверности, – но только внут-

ренней жизни, сознания, производить впечатление непреднамеренности беседы, безысходной исповеди.

Своеобразие этих повестей в жанровых их формированиях состоит в том, что писатель и его герои познают окружающий мир в сплаве лирического и эпического начал. Перед писателем – объективно раскрывающийся сюжет, построенный на событиях и фактах. Здесь место лирического незначительно, но лирическое и в этих повестях выполняет функцию не столько жанрообразующего фактора, сколько становится определенным приемом для раскрытия внутреннего мира героев, тем более, что писатель часто пользуется внутренним монологом, самоанализом героя.

Первая повесть А.Евтыха «Мой старший брат» явилась начальным и в то же время стержневым, наиболее удачным образцом лирической прозы в довоенной адыгейской литературе. Повесть вышла в 1939 г. и оказалась попыткой писателя изобразить революционное и послереволюционное прошлое народа сквозь призму лирического «я» главного героя. Автор рисует яркую и выразительную картину жизни адыгейского аула в период становления советской власти и в годы нэпа. Отмеченной выразительности значительно содействует способ изложения, интуитивно выбранный А.Евтыхом и, как оказалось впоследствии, наиболее приемлемый и удачный для данной структуры произведения. Повествование ведется от лица автора, но читатель воспринимает его как голос главного героя, то есть, как и в любом другом, традиционно лирическом произведении, голос автора-рассказчика и голос главного героя сливаются, образуя, тем самым, единое повествовательное начало, передающее настроение, ощущения и мысли персонажа и, посредством этого, описывающее окружающую действительность. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что один из признаков лирической повести – наличие голоса автора или рассказчика – присутствует здесь в полной мере.

Именно благодаря уже раннему творчеству А.Евтыха прозаическое изложение обращается в сторону явного присутствия автора или очень близкого к нему лирического героя, от лица которого ведется повествование. Отказываясь от явной фабульности, традиционного понимания сюжета, беллетристических героев, в общем, от

всего того, что обладало проверенным эстетическим качеством, литература предпочла поэтику непредустановленного и перешла к поискам новых контактов с действительностью.

Следует отметить, что А.Евтых сумел ввести в лирический сюжет, развивающийся в рамках «размышлений становящейся личности», большой эпический мир. Это был уже новый уровень сюжетостроения, когда сюжетобразующими факторами становятся не события в жизни героев в их последовательной логической связи, не постоянное наращивание в повествовании возможностей динамически раскрывающейся фабулы, а мысль о трудном внутреннем самостановлении героя и его самопознании. При этом художественная идея и мысль не ограничивают поля проявления нравственных, духовных и психологических основ личности, наоборот, они расширяют его и обогащают возможностями глубокого осмысления героем большого, разнообразного по форме и содержанию объема жизненной информации, но только пропущенной через душу и сознание одного, а не всех и не многих.

Самоанализ лирического героя (и вместе с ним самого автора) ради обнаружения незнания даже самого себя; исповедь – ради очищения, преодоления собственных слабостей; откровенность – ради открытия, распаивания себя для других; самопознание – ради суда над самим собой, познания самого себя и своего места в жизни. Таковы параметры авторской прозы, найденной А.Евтыхом в ходе его раннего творчества и продолженной им же в его последних, уже недавних произведениях, датированных девяностыми годами прошлого века, анализ которых еще предстоит ниже, в другом разделе данного исследования.

Через анализ своей собственной личности, воспринимаемой в качестве общего с героем художественного единства, писатель переходит к обобщениям, выходит через индивидуальное, личное – к проблемам общественным, социальным. Не случайно ведь именно в «исповеди» Л.Толстой дал столь сокрушительную и мощную критику современного ему общественного строя – через себя, через свою судьбу, развитие своей мысли. Для того, чтобы эта критика была действенной, она должна была быть бесконечно откровенной и зловещей во всем, что касается личности самого автора. Вот и Аскер Евтых

приходит к выведению закономерности – для того, чтобы бороться с пережитками социального строя, необходимо максимально обнажить себя, начать с детства и проследить истоки формирования собственной личности, что и происходит в его исповедях.

Характеры мирных тружеников раскрываются также в повести кумыкского писателя А.Аджаматова «В Кумыкской степи», вышедшей в 1953 г. Автор разрабатывает весьма значимую тему соотношения личности и коллектива, выявляя при этом наиболее острый конфликт современности. При этом в повести налицо целый комплекс стилевых признаков лирической формы: эмоциональность языка, взволнованность интонаций, лирический пейзаж, сравнения, антитезы, придающие своеобразие ритмике, строю традиционно приподнятой речи. Влиянием поэзии можно объяснить и умение писателя изобразить поэтическую сущность явлений действительности. Однако форма лирического произведения – не только и не столько ритм и звук, она, прежде всего, живое человеческое переживание, которое отражает определенные стороны жизни. Переживание это для своей конкретизации требует целостной речевой системы, которая придает ему максимальную жизненную убедительность, делает его проявлением определенного характера, индивидуализирует его и тем самым служит задаче раскрытия идейного содержания произведения.

В том же 1953 г. лакский прозаик А.Мудунов также посвятил свою повесть «В родном селе» самозабвенному труду человека, перед которым отступают силы природы. В повести уже вырисовывается психологический образ коллектива, роль его в формировании личности и роль личности в формировании коллектива. Через труд и отношение к труду показывает автор характеры своих героев, пытается проследить, каким образом входит личность в жизнь коллектива, как адаптируется или не адаптируется строй души человека к новым условиям бытия, как на этой почве зарождаются в характере новые духовные потребности. И само проявление внимания к этому процессу в подобном психологическом контексте было чрезвычайно важным для дагестанской и для всей северокавказской литературы, хотя автору не удалось передать во всей глубине и во всем

масштабе сложный комплекс душевных движений человека, приобщающегося к творческому труду.

Наиболее зрелым произведением кабардинской прозы рассматриваемого послевоенного периода признана вышедшая в 1955 г. «Весна Софият» Ад.Шогенцукова – повесть о судьбе молодой горянки, ищущей свой путь в жизни и находящей его в непрерывной борьбе с пережитками прошлого, еще живущими в горных аулах и селах. Новаторство повести Ад.Шогенцукова в углубленном психологизме, в попытке изображения процесса духовного становления формирующейся личности, в представлении окружающего ее мира посредством лирического «я» ведущего персонажа. Действительность видится глазами героини. Все остальные персонажи раскрыты лишь постольку, поскольку они являются спутниками жизни героини или ее собеседниками. Читатель не знает, что они думают и чувствуют, хотя слышит их голоса, видит их и наблюдает за их поступками. Мир показан писателем в индивидуальном преломлении, «съемка» действительности постоянно ведется в авторском ракурсе. Поэтические навыки писателя оказались в полной мере востребованы в процессе формирования экспрессивной и взволнованной атмосферы повести.

После того, как повесть вышла в свет, еще полнее раскрылись достоинства поэтического таланта Ад.Шогенцукова. При внимательном прочтении повести нетрудно убедиться в том, что такие качества профессионального слога, как напевность и лиричность, характерные для стихов Ад.Шогенцукова, органично вошли и в лексику, и в стилистику его повести. Это произведение объединяет в себе целый ряд образов-переживаний, создаваемых прозаическими средствами, демонстрирует меру их развернутости, устремленности во внешний мир, который, в свою очередь, также не обделен авторским вниманием, но уже в поэтической проекции главной героини. Именно поэтому структура повести фрагментарна и мозаична, ей характерны нарастания и внезапные спады эмоционального напряжения, неожиданные отклонения от темы, параллелизмы и контрасты, развернутые метафоры и лейтмотивные символы.

Несомненно, душевные движения, сердечные порывы и эмоциональные ощущения ге-

роини переданы выразительно, живо и в ритме психологической детализации, что обуславливает очевидное прослеживание в повести тенденции к отказу от описательности. В приведенном, достаточно объемном, но выразительном и типичном для пера Ад.Шогенцукова фрагменте текста нагляден очевидный поворот от декларативной событийности к художественной психологичности. К тому же и присутствующие в тексте различного рода лирические отступления, органично вплетаясь в ткань сюжета, также придают всей реальной прозаической объективности глубокую поэтическую субъективность.

Героиня повести, являясь, по сути, героиней лирической, живет практически постоянно и непрерывно, то есть одновременно что-то предпринимает, говорит сама, слушает других, ощущает, наблюдает, вспоминает, принимает решения и т.д. По законам лирического изложения все это преподносится автором в одном цельном потоке, в котором доминируют диалог и «моментальные снимки» окружающей обстановки. Объективная действительность включается в повествование в форме субъективных чувственных реакций и впечатлений героини, как содержимое объективного восприятия индивидуального сознания. Привлекает читателя в повести Ад.Шогенцукова именно психологичная обрисовка героев. В наибольшей степени тезис о тщательном психологизированном изображении персонажей относится к впечатлительной, целеустремленной и настойчивой главной героине. Ее характер построен никак не по готовой схеме.

Авторский стиль Ад.Шогенцукова сосредоточивает внимание на отношении рассказчика к жизни, дает субъективированную проекцию действительности, его отличает непосредственное присутствие авторского «Я», раскрывающегося в переживаниях, чувствах, мыслях лирической героини. При чтении повести создается впечатление, что автор как бы невидимо и робко следует за Софият, не зная, как она поступит в том или ином случае, но при этом он не упускает ни малейшей детали из области ее впечатлений и ощущений. В прозе Ад.Шогенцукова ощутимо прослеживается его поэтическое мышление, вся красочная палитра его стихов органически вошла в язык его повести.

Нашедшая отражение в «Весне Софиат» Ад.Шогенцукова «женская» тема в северокавказской литературе – это своеобразный отклик национальных писателей на общесоюзную проблему определения положительного героя в литературе и уже зарождавшуюся тенденцию повышенного внимания к личности и ее духовной жизни. Романтический герой, портрет которого украшался пафосностью и риторикой, был одновременно и следствием молодости северокавказской повести, и показателем прогресса ее жанровых, стилевых и тематических исканий, являлся доказательством ее поворота к современности. Положительный, еще пока тщательно идеализировавшийся герой, одновременно был и следствием стремительно развивавшейся исторической эпохи, и исключительно единственной, реальной на тот момент развития художественности формой воплощения человека в искусстве. Этот положительный герой сыграл свою знаковую роль в судьбах развития молодой повести, поскольку способствовал вычлениению личности из целостной эпико-фольклорной сферы.

Таким образом, повесть, посвященная женщине и ее личности, превращается в своеобразную панораму народной, национальной жизни, в которой совмещаются такие актуальные пласты объективной действительности, как повседневность и историческое бытие, рядовой житель аула и создающая историю личность и т.д. С художественной точки зрения подобный подход означает уже новую ступень развития национальной повести.

Эпический охват событий, стремление к широкому художественному осмыслению жизни народа в контексте судьбы одной личности и ее становления являются также главными тенденциями прозы черкесского писателя А.Охтова. В широком историческом плане в творчестве писателя наблюдается тема прошлого и настоящего собственного народа. Решает он ее в разных аспектах и на различном жизненном материале. Судьба человека в условиях меняющейся исторической действительности нагляднее всего могла быть прослежена на судьбе горской женщины. Вот почему эта тема нашла отклик в творчестве А.Охтова, и он неоднократно к ней возвращался в разные периоды своей деятельности. Именно она – данная тема – стоит во главе сюжетного угла в по-

вести писателя «Камень Асият», вышедшей в 1956 г.

Судьба двух поколений горянок рассмотрена писателем в этом произведении на конкретном, практически документальном, историческом фоне. Но помимо широты охвата исторической действительности и соответствующей этому эпичности повествования, в повести явно прослеживаются элементы лирической композиции. Лиризм применительно к жанру повести вообще – понятие сложное и многообразное. В первую очередь, лирическое в повести практически всегда взаимодействует с эпическим, и факт этот неизбежен. Другое дело, каков процент этого взаимодействия и насколько велика степень окрашенности эпических мотивов лирическими, и наоборот. Иногда произведение строится по законам лирического жанра, и лирическая струя в нем преобладает (вспомним И.А.Бунина). Но чаще лирические мотивы – будь то гуще или реже – только призывают эпическую основу.

Обычно лиро-эпический стиль ставит перед собой задачи, во многом перекликающиеся с особенностями повествовательной речи, поскольку в нем выступают и характер, и сюжетная ситуация, включенные вместе с тем в единую систему авторского повествования. Именно таково соотношение лирического и эпического начал в рассматриваемой повести А.Охтова «Камень Асият». Лиризм, «одухотворяющий всякое произведение художественного слова подобно протееву огню» (В.Белинский) входит в прозу А.Охтова стилевым составляющим компонентом, привнося в ее структуру индивидуализирующие тенденции, но не разрушая при этом эпической, объективно-действенной основы прозаических жанров вообще. Некоторые, наиболее традиционные и общие признаки прозаического повествования, такие, как событийность, хронологические и причинные связи изображаемых явлений, остаются в данном случае неизменными. Они присутствуют, наряду с лирическими мотивами, в тех эпизодах, когда предметом авторского изображения служит окружающая действительность (в том числе и психологическая, воплощенная в характерах), в которой что-либо происходит и имеет причинно-временную связь. Жизнь рядовой горской девушки вместила в себя множество фактов, событий, оказа-

лась социально насыщенной, что позволило писателю, оставаясь в рамках судьбы ведущего персонажа рассказать и о времени, его породившем и воспитавшем. Говоря словами А.Бочарова, «не только личность во времени, но и время в личности!» [7, С. 73].

Вопреки классическим законам жанра, лирический герой здесь не один, и нить лирического повествования переходит от одного персонажа к другому. Однако, несмотря на это, в рамках внутреннего мира «ведущего» на данный момент героя многие законы лирического отображения действительности соблюдены. Благодаря создаваемым писателем образам – художественным обобщениям – переживания, которые он рисует в своем произведении, представляют собой переживания характерные, отражающие настроения действительного на тот момент общества. В данном случае имеет место определенная форма выражения единства «общечеловеческого», конкретного социально-исторического и личностно-индивидуального факторов, значительная мера выявления субъективных характеристик; причем подобное единство во многом обусловлено существующим на тот момент в обществе общим пониманием человека, свойственным данной исторической эпохе.

Подводя итог данному анализу, приведем оценку Т.Чамокова, увидевшего в повести А.Охтова гораздо больше слабых сторон, чем сильных: «Сильные – это постановка и решение актуальных проблем, слабые – это боязнь отойти от традиционных канонов, сковывающих традиционный полет художественного воображения» [8, С. 61]. Заметим следующее. Упрощенность первых произведений национальных прозаиков имела место, но обнаруживалась она явлением преходящим: литература тогда еще только стояла у своих истоков. Процесс усвоения новых художественных принципов и методов изначально представлялся и в действительности оказался явлением не на один день, и даже не на одно десятилетие. Поэтому позволим себе несколько не согласиться с Т.Чамоковым, сформулировав далее еще некоторый ряд выявленных нами выше позитивных моментов в этой, столь ранней и в своем роде экспериментальной повести черкесского писателя А.Охтова. В социально-значимой и остро актуальной на момент своего выхода повести чер-

кесского писателя А.Охтова «Камень Асият» присутствуют лирические элементы и приемы поэтизации композиции, примеры психологической окрашенности явно эпической фабулы, что еще раз подтверждает обосновываемую нами концепцию последующей очевидной лиризации произведений северокавказской повести 60-80-х гг.

В целом, в рассматриваемый период разнообразные формы и средства психологического письма открывают перед северокавказским читателем эпически значимые и глубокие характеры, насквозь психологизированные, но одновременно и эпическую атмосферу действия, движущуюся панораму жизни, где символические детали-образы создают ощущение эпичности времени, тревожного состояния мира и человека, прозревающего свой мир и путь своего народа в исторически переломную эпоху.

По словам В.Апухтиной, «центральной проблемой, объединяющей множество вопросов современного бытия, стала проблема человека и времени, художественно трактуемая в разных аспектах и планах как биография личности, когда частная жизнь отражает грани всеобщей жизни. Характер во времени художественно воплощается как судьба человека, масштабность, значительность которой соразмеряется с народной судьбой. Общность судьбы народной – судьбы человеческой выявляется в кризисные, переломные периоды истории. Раскрывается и драма личности, утратившей связи со временем или вступившей с ним в конфликт» [9, С. 99]. Продолжая эту мысль, отметим следующее. Лирико-социальная повесть 30-50-х годов вобрала в себя весь насыщенный сложнейшим кульминационным содержанием материал. Содержание повести «уплотнилось», в нем выразились многомерность, глубина. Социально-психологическое течение военной повести утвердило особую жанровую разновидность лирико-социальной повести довоенных, военных и послевоенных лет, удельный вес и место которой во всем жанровом многообразии отечественной и, в частности, северокавказской литературы весьма значительны.

Рассмотренные лирико-социальные повести северокавказских писателей периода 30-50-х гг. позволяют сформулировать некоторую общую для литератур обозначенных в исследовании этнических групп тенденцию: лишь художест-

венное освоение прошлого в значительной мере обусловило овладение принципом достоверности в искусстве, способствовало осмыслению, исследованию и воссозданию реальной действительности. Именно в 30-е гг. в национальной литературе максимально отчетливо прослеживается обращение к абсолютно новым творческим установкам. По справедливому выражению А. Мусукаевой, «от переосмысления и перефразирования известных мотивов фольклора к реалистическому, развернутому повествованию, дающему возможность охватить действительность как непрерывный, поступательный процесс, от абстрактности – к овладению принципом конкретного историзма, от описания отдельно взятых жизненных фактов – к большим художественным обобщениям» [10, С. 182].

Таким образом, исследование произведений национальной повести данного, раннего в их развитии, социально-обозначенного периода может стать значимой базой для более тщательного и объективного постижения причинно-следственных связей некоторых происходящих сегодня в национальных литературах явлений, а также для изучения процесса зарождения и развития ряда художественных и жанровых особенностей национальных литератур.

Примечания:

1. Бочаров, А. Требовательная любовь: Концепция личности в современной советской прозе / А. Бочаров [Текст]. – М.: Худож. лит., 1977. – 335 с.
2. Бальбуров, Э. Свобода исповеди и законы жанра: О композиции лирических повестей // Рус. лит. – 1978. – № 2. – С. 178-189.
3. Апухтина, В. Современная советская проза: (60-е – начало 70-х годов) / В. Апухтина [Текст]. – М.: Высшая школа, 1977. – 176 с.
4. Там же.
5. Гегель. Эстетика / Гегель [Текст]. – В 4-х тт. – М.: Наука, 1971. – Т. 3.
6. Хапсироков, Х. Некоторые вопросы развития адыгских литератур / Х. Хапсироков [Текст]. – Ставрополь, 1964. – 142 с.
7. Бочаров, А. Требовательная любовь: Концепция личности в современной советской прозе / А. Бочаров [Текст]. – М.: Худож. лит., 1977. – 335 с.
8. Чамоков, Т. В созвездии сияющего братства / Т. Чамоков [Текст]. – М.: Современник, 1976. – 255 с.
9. Апухтина, В. Современная советская проза: (60-е – начало 70-х годов) / В. Апухтина [Текст]. – М.: Высшая школа, 1977. – 176 с.
10. Мусукаева, А. Кабардинская повесть 30-х годов // Вестн. КБНИИ. – Вып. 7. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1972. – С. 181-196.